

ПАПИРУСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ОБУЧЕНИИ НЕРОДНОМУ ЯЗЫКУ В ГРЕКО-РИМСКОМ ЕГИПТЕ

Наряду с многочисленными документами, отражающими постановку школьного образования в античности и предназначенными для обучения родному языку¹, имеется группа папирусных отрывков из билингв, выполненных на двух языках древнего мира: латинском и греческом. Одну часть из них составляют фрагменты из сочинений римских авторов с переводом на греческий или схолиями, тоже по-гречески; такого рода материалы свидетельствуют о стремлении наиболее образованной части населения эллинизированного Востока приобщиться к латинским классикам². Другая часть состоит из двуязычных глоссариев, относящихся к достаточно длительному отрезку времени — от конца I в. до н.э. до VII в. н.э. И хотя о назначении этих фрагментов до сих пор идут споры, целесообразно внимательно исследовать их, так как документы такого рода являются интересным материалом к культурной истории греко-римского мира, в частности Египта. В данной статье рассматриваются папирусные тексты, опубликованные в своде, составленном Й. Крамером³, на нумерацию которого мы будем ссылаться в дальнейшем.

Сначала, однако, несколько слов об изучении неродного языка в Римской империи.

¹ К классической работе в этой области: *Aus der antiken Schule. Sammlung griechischer Texte ... ausgewählt und erklärt von E. Ziebarth.* Bonn, 1910; 2 Aufl.—B., 1913, теперь прибавилось: *Neue Texte aus dem antiken Unterricht / Hrsg. von H. Harrauer, P.J. Sijpesteijn.* Wien, 1985 (Pap. Erzherz. Rainer. N.S. XV). См. также: *Zalateo G. Papiri scolastici // Aegyptus.* 1961. V. 41. P. 160—235; *Debut J. Les documents scolaires // ZPE.* 1986. Bd 63. S. 251—278; *Pintaudi R., Sijpesteijn P.J. Ostraca di contenuto scolastico provenienti da Namuthis // ZPE.* 1989. Bd 76. S. 85—92.

² См.: *Harrauer H. Ein neues bilingues Cicero-Fragment auf Papyrus (P. Vindob. L. 127) // WSt.* 1982. Bd 16. S. 212—220; *Festschrift zum 100-jährigen Bestehen der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek. Papyrus Erzherzog Rainer (P. Reiner Cent).* Wien, 1983. № 163 (S. 468—482 u. Taf. 115—116). Не следует ли отнести к этой же группе папирусов латинский вокабуляр из кодекса IV—V вв., опубликованный в 52-м томе «Оксиринхских папирусов» (№ 3660)? Здесь сохранились латинские слова, включая имена собственные, начинающиеся на буквы g, h, i, l; большая часть из выписанных слов встречается у Ливия и Цицерона в «Веррианах» — обоих авторов читали в Египте. Может быть, перед нами — заготовка для билингвы, в которую еще не успели внести греческий перевод?

³ *Glossaria bilingua in papyris et membranis reperta / Hrsg. von J. Kramer.* Bonn, 1983.

Прежде всего следует отметить, что возникшая у людей еще в глубокой древности потребность понять друг друга в греко-римском мире привела к систематическому изучению языка другого народа. Это изучение вошло в школьную практику, правда, не в равной степени в Греции и Риме. В Греции влияние латинского языка было меньшим уже в силу того, что греки считали свою культуру и язык оригинальными, а другие языки — варварскими и на этом основании отказывали им в месте в системе образования. И такой взгляд был распространен даже в эпоху империи, когда латынь, как известно, была официальным языком на всей территории, подвластной римлянам. Проникновение латыни шло несколькими путями: во-первых, через администрацию, которая хотя и была местной, но занятие должности требовало знания латыни, особенно со времени Диоклетиана (285—305 гг.). Другими важными каналами проникновения латыни были торговля и армия⁴. Существенную роль играли и юридические школы — а для карьеры было очень важно пройти обучение именно в этой школе, — в которых, как обучающихся сугубо латинской науке — юриспруденции, преподавание велось на латинском языке. Все эти обстоятельства принуждали грекоязычную часть населения изучать латынь. Процесс этот шел не в одинаковой степени интенсивно. В первые века империи традиционное для Рима знание греческого языка оставалось и у чиновников, присланных Римом на Восток. Затем упадок образованности и знания греческого языка у латиноязычной части населения потребовал уже от греков в большей степени заняться изучением латинского языка. После падения Рима, особенно со времени правления Юстиниана, греческий язык восстанавливает свои позиции и в сфере официальных государственных отношений.

В римском же образованном обществе, долгое время признававшем превосходство греческой культуры, достаточно рано возникла потребность в знании греческого языка⁵, однако в официальной практике применять его стали сравнительно поздно. Общеизвестно, что первые школы в Риме открыли греки, известно также, что существовала тенденция преподавать греческий раньше латыни. Квинтилиан обосновывал эту тенденцию тем, что, во-первых, родному языку ребенок выучится и без учителя, и, во-вторых, сначала ребенка нужно обучить греческим буквам, а уж потом объяснять восходящие к ним латинские. Пик увлеченности греческим языком приходится на время Цицерона, затем наступает некоторый спад, но изучение греческого языка никогда не прекращалось, особенно в восточной части империи⁶.

В издании Й. Крамера представлены 16 текстов, относящихся к I—VI вв. Все они были опубликованы прежде в других изданиях. Приведены отрывки разной величины, разного содержания, разной степени сохранности и разного уровня образованности их авторов. В целях нашего исследования представляется целесообразным разделить все тексты на три группы в зависимости от того, применяется ли в передаче слов обоих

⁴ Все воинские дипломы, отпускные свидетельства ветеранов писались по-латыни. Командный состав армии должен был пользоваться латинским языком, чему особенно способствовали военные реформы Диоклетиана и Константина. См. *Zilliacus H. Zum Kampf der Weltsprachen in Oströmischen Reich*. Helsinki, 1935. S. 128.

⁵ Весьма основательно вопрос об изучении греческого языка в Риме рассматривает П. Буаянсе: *Boyanse P. La connaissance du grec à Rome // REL*. 1935. V. 34. P. 111—131.

⁶ Историю взаимодействия латинского и греческого языков и их изучения в Римской империи освещают: *Gantar K. Considerationi sul bilinguismo in Roma antica // Museum Patavinum*. 1987. A. 4. № 2. P. 251—265; *Hahn L. Zum Sprachkampf im Römischer Reiche bis auf die Zeit Justinians*. Lpz., 1907; *Marrou H.J. Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. P., 1950 (особенно с. 350—357); *Kaimio J. The Roman and the Greek Language*. Helsinki, 1979.

языков одна графика (греческая или латинская) или для каждого языка используется собственная графика. Внутри каждой группы тексты будем рассматривать в хронологической последовательности, основываясь при этом на датировке, принятой Й. Крамером.

К первой группе мы отнесем глоссарии, в которых латинские слова приводятся в греческой транскрипции. Сюда включаем тексты, приводимые у Крамера под номерами 1, 6, 8, 9, 5, 7, 11, 12, 13, 15. Сборник открывается самым древним из текстов № 1 (Pap. Berol. inv. № 21246), найденным в Гераклеополе и датируемым I в. до н.э. Написан он на папирусе, на лицевой стороне которого сохранилась опись земельных участков владения. До нас дошла колонка в 14 строк: в одной строке приводится греческое слово, в следующей — транскрибированное греческими буквами соответствующее латинское. В этом тексте издатель выделяет 11 отрывков, из которых пять сохранились лишь в виде отдельных букв. В первом отрывке представлены личные формы глаголов ἀποδίδωμι-reddo, порядок их следования не совсем понятен. В остальных отрывках, дошедших в худшей сохранности, находим также сопоставление глагольных форм κράτῳ и teneo, можно прочитать некоторые существительные и прилагательные. В 5-м отрывке, по-видимому, рассматривалась ситуация, связанная с прибытием гостя. Есть некоторые основания предполагать, что в самом начале 7-го отрывка речь также идет о приеме гостя. Сюжет 6-го отрывка и основной части 7-го определить затруднительно. Упоминается дурная жена, ночное время, безбожный человек, землетрясение.

Что же можно сказать о первом тексте в целом с точки зрения его использования и назначения? Очевидно, он написан для грекоязычного населения, так как писать для латиноязычного населения латинские слова греческими буквами нам представляется лишенным смысла. И хотя известна традиция в Риме учить детей сначала греческому языку и греческой графике, а потом на базе этого объяснять латинский, но, во-первых, транслитерация латинских слов для римлянина могла иметь место лишь на ранней стадии обучения и, во-вторых, при этом не было нужды переводить на греческий язык слова общеупотребительной лексики. О назначении этого текста мы можем говорить лишь очень обобщенно: помочь грекоязычному населению в овладении латинским языком. На основании сохранившейся лексики можно предположить, что данные тексты предназначались для ориентации приехавшему в иноязычный город путешественнику, являющемуся, по-видимому, деловым человеком. Поскольку уцелела только одна колонка, то неясен порядок подачи материала, почему, скажем, глагольные формы даются в такой последовательности: императив, 1 л.ед.ч. будущего времени, настоящего времени, перфекта; парадигма спряжения при этом не приводится. Если брать первые пять отрывков, то отчетливо просматривается алфавитный порядок следования, правда, принимается во внимание только первая буква слова. Язык достаточно правильный, можно отметить лишь незначительные отклонения от строгих классических норм: σινε δεῖβους (= sine dibus) вместо sine deis, οὐνηβατ (= venebat) вместо veniebat.

Текст № 6 (Pap. Оху. 2660), на оборотной стороне которого записан отрывок из комического поэта, датируется I—II вв. н.э. Сохранилась лишь правая колонка с латинскими словами в греческой транскрипции. Сначала идет список растений, употреблявшихся в качестве салата или приправы (сткк. 1—11), затем следуют названия рыб и морской живности. Слова приводятся в произвольном порядке, перед перечислением

рыб дан заголовок $\delta\eta\ \pi\iota\sigma\kappa\iota\beta\omicron\upsilon\varsigma$ (= de piscibus). Среди рыб и морских животных некоторые названия не соответствуют классическим: $\tau\epsilon\kappa\tau\omicron\upsilon\nu\kappa\omicron\upsilon\lambda\epsilon\iota$ (= rectunculi) вместо *recten* «гребенчатая раковина».

Фрагмент № 8 (Pap. Оху. 3315), на оборотной стороне которого дошел выполненный греческим курсивом документ, относится также к I—II вв. н.э. Колонка с греческими словами не сохранилась, латинские же в греческом написании дошли в полной сохранности. Первые пять слов — это латинские названия знаков зодиака в порядке их следования, начиная со скорпиона. Затем после заголовка $\delta\eta\ \omicron\upsilon\epsilon\nu\tau\epsilon\iota\varsigma$ (= de ventis) дается само слово $\omicron\upsilon\epsilon\nu\tau\omicron\upsilon\varsigma$ (= ventus), за ним следуют названия ветров в следующем порядке: северный — южный — юго-западный — западный — юго-восточный — северный (или северо-восточный) — восточный. Предназначался словник, очевидно, для греков, не знавших латинской графики. Если бы, предположим, какой-то моряк должен был запомнить латинские названия созвездий и ветров, то такой словник был бы для него очень удобен.

Датируемый II в. н.э. фрагмент № 9 (P. Lund. 5) принадлежит к главе под названием $\tau\epsilon\rho\iota\ \theta\eta\rho\acute{\omega}\nu\ \tau\epsilon\tau\rho\alpha\lambda\omicron\delta\omicron\upsilon\omega\nu$ —de bestiis quadrapedis, известной нам из других глоссариев. Словник включает (греческий текст здесь не сохранился) 11 названий как домашних животных: бык $\beta\omicron\varsigma$ (= bos), $\tau\alpha\upsilon\rho\upsilon\varsigma$ (= taurus) лошадь, коза, свинья, мул, теленок, — так и диких: волк, олень, кабан, заяц. Текст писался для грекоязычного населения. Кем? Можно ответить лишь, что человеком, одинаково хорошо знавшим греческий и латинский языки.

Текст, приведенный в сборнике под номером 5 (Pap. Laur. Inv. № III/418), наиболее испорченный из всех в данном издании. На лицевой стороне пергамента, на обороте которого просматриваются лишь неясные следы написанного, сохранились 10 греческих слов и три неполных латинских, данных в греческой транскрипции и являющихся переводом греческих названий рыб. Порядок кажется произвольным, может быть, он определяется какими-то свойствами приведенных в перечне рыб. Предназначался, по-видимому, для изучающего латинский язык носителя греческого языка. Датируется второй половиной II в. н.э.

Глоссарий в № 7 (Pap. Оху. 2660a), датируемый III в. н.э., составлен по тому же принципу, что и в № 6. Текст сильно поврежден, в каждом слове есть лакуны, графика греческая. Первые пять из сохранившихся слов — названия растений. Если сопоставить этот текст с № 6, где перечисляются растения, то мы увидим, что повторяется лишь одно название — латук (кочанный салат). Из названий рыб во всех трех текстах, где приводятся такие слова (№ 5—7), встречается только мурена, в 6 и 7 — морской волк. Из восьми приведенных в тексте № 5 названий четыре отмечаются и в тексте 7. Список седьмого текста самый обширный. При этом лишь пять из 23 сохранившихся названий встречаются в других текстах. Правда, не все 23 названия обозначают рыб, таких только 16, а остальные — имена морских обитателей: омары, устрицы и т.д. В тексте 7, хотя заглавие и гласит «О рыбах», приводятся слова $\rho\omicron\lambda\upsilon\pi\omicron\upsilon\varsigma$ (= polyopus), $\sigma\kappa\upsilon\lambda\lambda\alpha$ (= scilla) вид мелкого рака (греч. $\pi\alpha\rho\epsilon\iota\varsigma$ ⁷). В сохранившихся на папирусе и пергамене глоссариях списки названий рыб представлены достаточно часто, что, принимая во внимание географическое положение земель, входивших в состав Римской империи, представляется вполне понятным и логичным.

⁷ Следуя издателю, мы опускаем в греческих словах знаки ударения и придыхания.

Можно даже предположить существование прототипа, к которому восходят и наши двуязычные перечисления рыб. К сожалению, отрывочность сохранившегося материала не позволяет утверждать это совершенно определенно, но то, что четыре из восьми приведенных в тексте № 5 слов совпадают с данными в тексте № 6 и при этом порядок перечисления их в главном тот же — не забудем, что алфавитного следования здесь нет — позволяет нам допустить существование такого прототипа.

Фрагмент № 12 (P. Mich. Inv. № 2458), представляющий собой палимпсест и датированный II—III вв., содержит на лицевой стороне в греческом написании с 4 по 11 строку названия греческих и соответствующих им латинских богов, а с 12 по 28 строку имена богинь, при этом в 4—14 строках греческие имена не сохранились. Порядок следования не алфавитный. Первые три названия — нарицательные имена домашних и местных богов. Перечисление имен богов — их пять — начинается с Сераписа, чье имя влечет за собой наименование Орка и бога смерти ($\mu\omicron\rho\varsigma = mors$), а так как древние считали сон братом смерти, то вполне понятно упоминание здесь этого божества ($\sigma\upsilon\mu\pi\nu\omicron\varsigma = somnus$). Затем упоминается Паниск⁸ по той же причине, что связан с функцией Сераписа как бога плодородия. Список богинь, после заголовка «О богинях», открывает Салюс ($\Sigma\lambda\omicron\upsilon\varsigma = salus$), богиня благополучия и счастья, затем идет мать-земля ($\tau\epsilon\rho\rho\alpha \mu\alpha\tau\epsilon\rho = terra mater$), за ней следует Гера — Юнона (начиная с этой строки сохранились и греческие названия), при этом сначала она просто называется, а потом даются как бы персонифицированные функции: Герациарица ($\eta\rho\alpha \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\sigma\sigma\alpha \iota\omicron\upsilon\nu\nu\omicron\nu\omicron\rho \rho\eta\eta\nu\alpha = junio regina$), разрешительница родов ($\epsilon\iota\lambda\epsilon\iota\theta\upsilon\iota\alpha$). Последняя функция Геры — Юноны как бы готовит упоминание Артемиды — Дианы, за которой следует ее мать Лето — Латона, а затем Афродита — Венера. Такой порядок может быть объяснен несколькими ассоциациями: связью с Дианой-охотницей и тем самым покровительницей природы, а древнейшей функцией Венеры была функция покровительницы садов; упоминание Венеры именно в этом месте могло быть вызвано и естественной связью любви и рождения. Почему за Афродитой следует Немесида, нам не представляется возможным объяснить. За Немесидой как за богиней, наблюдающей за справедливым распределением благ, следует дарительница этих благ Деметра — Церера, при которой вполне уместно упоминание Персефоны — Прозерпины. Вслед идет Гестия — Веста, богиня огня как символа домашнего благополучия и жизненного постоянства, за ней названа как бы ее антагонист богиня случая и изменчивой судьбы Тюхе (Тихе) — Фортуна. Затем дается имя Семелы, которая здесь, по-видимому, воспринимается как фригийско-фракийское божество земли, эквивалентом которой выступает Либер⁹. Сразу за Семелой следует Исида, вероятно, по той причине, что, как и Тюхе, правит человеческой судьбой, к тому же в Римской империи она восприняла черты Деметры и Тюхе. А поскольку Исида нередко в восприятии человека той эпохи сливалась с Кибелой, то вполне логично завершение списка именем Великой Матери. Мы попытались обосновать такой порядок следования имен, руководствуясь нашей логикой, но вполне вероятно, что автор этого списка руководствовался совсем иными соображениями. Писался текст, очевидно, для грекоязычного населения, о чем свидетельствует, во-первых, употребление греческого шрифта для обеих колонок текста; во-вторых, то, что ла-

⁸ Н. Прайест отмечает, что Паниск отсутствует в *Hermeneumata*, но деминутив встречается у Цицерона (*Cic. de Natura Deorum*. 3.17; *de Div.* 1. 13, 2.21) — *Priest N.E. A List of Gods // ZPE*. 1977. Bd 27. S. 196.

⁹ Н. Прайест указывает, что не знает ни одного другого соотнесения Семелы и Либеры (op. cit. S. 200).

тинская *Mors* дается в числе мужских божеств, т.е. исходным является греческий пантеон, где бог смерти Танатос — мужского рода; и, в-третьих, то, что латинская *Iuno* передана по-гречески как *Ιουνων* с *ν* на конце, что поддерживалось, по-видимому, аналогией с греческими именами на *=ων*. Правда, последний аргумент скорее свидетельствует в пользу того, что писал грекоязычный автор. Принимая во внимание хорошую графику, можно предположить, что текст представляет собой задание учителя ученику.

Фрагмент 11 (Р. Фау. 135), датируемый IV в., сохранился на обороте частного письма, в котором некий Агафон просит отца уплатить долги. До нас дошли написанные греческим курсивом названия семи латинских месяцев с июня по декабрь и их египетские параллели¹⁰. Кем и для кого написан этот текст? Ответ не столь однозначен, как могло бы показаться на первый взгляд. На основании применения греческой графики сразу хочется решить, что адресат — грекоязычное население тогдашнего Египта, где, по мнению Й. Крамера, «греческий язык имел высокий престиж как язык образования, но с его действительным господством дело было плохо»¹¹. Можно допустить и другой вариант. Римлянин, знающий греческий, попросил не знающего латыни, но знающего греческий египтянина написать ему для запоминания названия египетских месяцев. Для нас важно, что и в том и в другом случае посредником является греческий язык.

Приводимый Крамером под № 13 текст хранится в Британском музее и содержит выполненный греческим курсивом на обеих сторонах латинско-греческий глоссарий, датируемый IV в. (Р. Лонд. II. 481). В первых строках приводятся названия птиц: голубь, гусь, воробей; затем следует «космически-природная» лексика: луна, звезды, солнце, небо, зима, лето, ветер; а затем идет перечисление растений: виноград, фи́га, орех и т.д., но с некоторыми перебивками: между названиями финика и виногра́дника¹² вставлены «поселение» и «государство». При этом они не просто включены в список, как все другие слова, а являются как бы ответом на вопрос: *κίβιτας (= civitas) ποία ἐστὶ — πολὺς; βίλα (= vila) ποία ἐστὶ — κομμη*. Вопрос дан только по-гречески, что позволяет считать этот фрагмент заданием ученику. Об этом же свидетельствует и первая строка текста: *φακ γυοβες (= fac nobis)* записанная, может быть, со слуха греческим учеником. Среди слов глоссария можно выделить еще одну связанную тематически группу: корабль, весло, море, река; однако они не перечислены подряд, а вкраплены в список названий растений. Заканчивается этот фрагмент двумя маленькими фразами: «откуда ты пришел?» и непонятной *ιαμ βοσ εves*. И латинский, и греческий языки представлены в разговорной форме. Для латинского характерно отсутствие геминат: *πασσαρες (= passares)*, *στελας (= stellas)*, некоторые слова даны в форме аккузатива: *ουας (= uvas)*, *καρκας (= caricas)*. Передача латинского *unde* как *ουυτε* дает уже новое, сохранившееся до настоящего времени в греческом языке произношение *υτ* как [nd]. Некоторые греческие существительные классического периода на *-ιον* потеряли *ο* и приобрели форму на *-iv*, которая с отпадением *ν* дала современные греческие существительные на *-i*. Следует обратить внимание на не-

¹⁰ Об употреблении дат и названий месяцев в Римской империи см.: *Hagedorn U. Gebrauch und Verbreitung makedonischer Monatsnamen in römischer Agypten // ZPE. 1976. Bd 23. S. 143—167; Sijpesteijn P.J. Some Remarks on Roman Dates in Greek Papyri // ZPE. 1979. Bd 33. S. 229—240.*

¹¹ *Kramer J. Sprachliche Beobachtungen an Schuldiktaten // ZPE. 1986. Bd 64. S. 252.*

¹² При этом дано сопоставление «виноград» и «виноградник», «фи́га» как плод и как дерево.

ожиданно сохранившееся $\rho\alpha\tau\iota\epsilon\upsilon\varsigma$, а не $\rho\alpha\tau\sigma\iota\epsilon\upsilon\varsigma$ при передаче латинского *patiens*, свидетельствующее о невытесненном еще произношении классического *ti* не как аффрикативного согласного.

Текст 15 (P. Berol. Inv. № 10582), датируемый V или началом VI в., является, по-видимому, латинско-греческо-коптским разговорником. Recto и verso папируса содержат короткие латинские фразы и их перевод на греческий и коптский, при этом коптские слова нередко отсутствуют, либо из-за сходства с греческими, либо потому, что латинские слова понятны писцу через достаточно знакомый ему греческий, хотя знание им греческого также оставляет желать лучшего. В тексте представлены несколько сенок. Сначала идет как бы наставление слуге, как устроить трапезу гостям (сткк. 1—16), точнее, что делать во время трапезы. Не совсем понятно, почему повелительное наклонение употребляется то в единственном, то во множественном числе. Можно, конечно, предположить, что какое-то приказание отдается одному слуге, а какое-то всем или нескольким. Затем следует как бы формула благодарности за хороший прием (сткк. 17—24). После чего (сткк. 25—41) гостям предлагают заночевать и, получив согласие, приказывают слугам зажечь светильники и проводить всех. Вслед за этим идет обмен любезностями: «я тебя охотно вижу» — «я тебя, господин, тоже». Затем, по-видимому, сценка такая: кто-то стучит в дверь, из дома пытаются выяснить, кто это. Хозяин приказывает слуге выйти и посмотреть, тот приходит и докладывает, что это мальчик от Аврелия принес весть. Текст не совсем ясен: один ли мальчик пришел или кто-то еще *maimus*, который хочет приветствовать хозяина. Его (их?) просят войти в дом, и он сообщает, что родители и дети этих (*istarum*) приветствуют его и шлют письмо через мальчика; уточнено, что письмо запечатано (*signatum*). Затем читают письмо (сткк. 103—123), в котором отправитель говорит, что сильно печалился, не имея долгое время известий от брата, и просит написать письмо, чтобы его успокоить. Затем следует диалог, от которого сохранились лишь две последние реплики: «почему бодрствуешь утром?» — «нужда заставила». Заканчивается фрагмент приглашением войти в дом. Можно предположить, что здесь представлены сценки из комедий, в которых, как известно, широко использовался разговорный язык. К этому выводу подталкивает и тот факт, что в строках 42 и 43 перед обменом любезностями как-то вне связи с предыдущим упомянуто $\sigma\eta\lambda\iota\alpha\ \kappa\alpha\theta\eta\mu\epsilon\rho\iota\nu\eta$ — $\sigma\epsilon\rho\mu\omega\ \kappa\omicron\tau\iota\delta\iota\alpha\nu\omicron\upsilon\varsigma$ (= *sermo cotidianus*), может быть, как заголовок следующего задания, в котором как раз и приводятся описанные сценки.

В связи с этим текстом возникает несколько вопросов. Можно было бы согласиться с издателем, что это предназначенный для коптов разговорник, но трудно представить ситуацию, когда египтянину пришлось бы давать приказания слугам по-латыни, если только не допустить, что в Египте этой эпохи основная масса населения говорила на латинском языке, свидетельств чего мы не имеем. Следовательно, скорее этот текст учебный. Но почему латинский текст дан в греческой графике? Списан с греческого учебника? Но опять-таки почему в греческой графике? Возможны два варианта: 1. Римлянин диктовал греку, не знающему латинского алфавита. Это делает понятным ошибки в латинском языке. Ошибки есть и в греческом, но их можно объяснить как внесенные уже коптом при переписывании. 2. При изучении в школе латинского языка даже на продвинутой стадии обучения не учили латинский алфавит. Очень важно отметить, что, по-видимому, обучение латинскому языку в Египте шло только через посредство греческого языка, хорошо знакомого жителям этого района.

Ко второй группе мы относим тексты № 2, 3, 16, 10, 4, предназначенные для людей более высокого уровня образования, которым известен как греческий, так и латинский алфавит. В этих текстах для каждого языка применяется своя графика.

Текст № 2 (P. Reinach. Inv. № 2069), хранящийся в Сорбонне, датируют III в. н.э. Текст распадается на несколько фрагментов. Выдержан с некоторыми неточностями (а именно: *tectum, tendo, tanto, tangere*) латинский алфавит. Деление на греческие и латинские строки или колонки отсутствует. Приводятся латинские словоформы и соответствия им в греческом языке, при этом иногда дается несколько греческих синонимов: *valeo* — *υγαινω, ερωμαι, ισχυω*. Об образовании других форм приведенного в глоссарии слова говорится коротко: «остальное, как выше» или «остальное, как...» и приводится однотипно изменяемое латинское слово, например: *tectum* склоняется как *bellum*. Иногда приводится генетив и могут даже быть отмечены фонетические изменения, происходящие при этом. Нередко оттенки значения того или иного слова уточняются указанием на сочетаемость этого слова с другими: *vitio gem—σινω πραγμα, vitio virginem—φθειρω την παρθενα*. Если с исходной формой существительного совпадает какая-то форма другого слова, то разъясняются обе формы: *tribus—τρισιν, φυλη; tribus—φυλη κατα την γενεσιν, tribus collina—φυλη κολλεινα*. Приведя формы местоимения *vos*, автор указывает на разницу в управлении однозначных глаголов в греческом и латинском языках: *audio vos—ακουω υμων, ακουω υμας, contemno vos—καταφρονω υμιν, sequor vos—ακολουθω υμιν* и т.д. Начинается такое сопоставление со случаев одинакового употребления падежей: *vos priores venistis—υμεις προτερω εληλυθατε; vobis sic jussi—υμιν ουτως εκελευσας*. Автор при этом иногда подчеркивает: «так же и по-гречески». Язык литературно правильный, с очень незначительными отклонениями от классических норм, *valetes* вместо *valetis* и древнее *vofes* вместо классического *vertex*. На греческий все переводится буквально и из-за этого происходят некоторые несуразицы с точки зрения греческой грамматики. Так, в латинском тексте сказано: *tectum* склоняется, как *bellum*, что совершенно справедливо с точки зрения латинского языка, в греческом же переводе получается: *στηνη* склоняется, как *πολεμος* что совершенно не соответствует греческой грамматике. Такие несообразности свидетельствуют о том, что объясняются именно латинские парадигмы и что текст написан для грекоязычного населения. Текст можно рассматривать как лексикограмматический справочник, которым может пользоваться человек, изучающий латынь. Объяснение дается не теоретически, а через примеры. Можно предположить, что где-то в не дошедшей до нас части текста был дан образец склонения и спряжения и к нему-то в дальнейшем и отсылают ученика.

Текст № 3 (P. Reinach. Inv. № 2140=P. Sorbonn. № 8), хранящийся в Институте папирологии в Сорбонне, датируется 2-й половиной III в. н.э. Текст, расположенный на обеих сторонах папируса, сильно поврежден. Латинский шрифт, по замечанию издателя, более правильный, что говорит в пользу того, что писал латиноязычный автор. Об этом же свидетельствует достаточно неуклюжий греческий язык текста. Слова приведены в алфавитном порядке, в рамках одной буквы алфавит обратный: *lustrum, lacerat, labor*. Иногда однокоренные слова сгруппированы в гнезда: *labor, laboratus, elaboramus, laborans*. В некоторых случаях указанные слова приводятся еще и в словосочетаниях: *molestus — moleste fert, moleste tulit; miles — miles gregarius, miles clarus, miles romanus*. При этом одно и то же латинское словосочетание может переводиться

не одним и тем же греческим, например: *conditium lustrum* переведено как $\nu\omicron\mu\omicron\theta\epsilon\sigma\iota\alpha$ $\pi\epsilon\mu\phi\theta\epsilon\iota\sigma\alpha$, а аблатив этого сочетания передан по-гречески как $\kappa\alpha\theta\alpha\rho\omega$ $\kappa\epsilon\kappa\rho\upsilon\sigma\tau\epsilon\nu\omega$. Совершенно очевидно учебное назначение текста. Можно заключить, что использовался он не при скоротечных занятиях языком отъезжающего в иноязычную среду человека, а при систематических занятиях. Можно рассматривать его как учебный словарь для гречоязычного населения.

Текст 16 (P. Bolon. 5=Inv. № 1), хранящийся в папирусном собрании университетской библиотеки в Болонье и датируемый III—IV вв., состоит из фрагментов, представляющих образцы писем, связанных с получением наследства. Текст написан на лицевой стороне, а на обороте сохранились счета. В тексте выделяются не менее 11 отрывков писем. Первое письмо (1—25 строки) относится к жанру благодарственных при получении наследства, естественно, что в нем прежде всего указывается на невозможность быть неблагодарным. Затем идут три отрывка письма (сткк. 26—64), в котором отправитель успокаивает адресата, получившего по наследству меньше, чем он рассчитывал. Сначала выражается соболезнование, дается совет довольствоваться и малым наследством, затем следует утешение адресата общими рассуждениями о том, что все люди неравны и что все — и большое, и малое — смертным предписано, а не в их власти, всем распоряжается судьба. Следующие письма (сткк. 65—168) являются поздравительными. Обязательно подчеркиваются добрые душевные качества получателя наследства и выражается радость, что умерший оценил эти качества и дал из своего наследства сколько мог. Из текста можно понять, что речь идет не о родственнике, а о друге, покровителе, человеке, которому получивший наследство оказывал некоторые услуги, за что и был в завещании поставлен впереди родственников. Последний фрагмент представляет поздравительное письмо по случаю получения свободы, в нем указывается, что все стремятся к свободе, но дарована она достойнейшему, получившему ее по заслугам и по решению господина. Текст оборван, кончается знаменательно: «свобода тебе не дана, а возвращена, всегда судьба ($\tau\upsilon\chi\eta$)...». Не ясно, имеется ли здесь в виду конкретная ситуация адресата, который, возможно, был когда-то свободен, затем обращен в рабство, а теперь опять получил свободу, или здесь высказывается общее представление об изначально от природы присущей человеку свободе. Вполне вероятно, что пишется письмо также от лица раба, и есть основания присоединиться к мнению издателя, что для писавшего и латинский, и греческий языки равно неродные. В латинском языке отмечаются нелогично построенные предложения (сткк. 41—62), отсутствие согласования (стк. 194), неясные конструкции (сткк. 102—105); в греческом же заметно рабское, часто весьма неуклюжее следование латинскому варианту. По мнению издателя, текст является результатом компиляторской работы, проведенной с помощью лексикона, с одного из писемников, получивших в это время достаточно широкое распространение¹³. Однако в тексте есть свидетельства влияния разговорного языка: $\alpha\tau\omicron\varsigma$ вместо $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ (18, 177), употребление предлога *per* с генитивом (124).

Текст № 10 (P. Florent VI), относимый к IV в., касается, по определению издателя, человека и связанного с ним лексического поля. Текст расположен на лицевой и обратной стороне. Принцип подачи материала не очень понятен. Сначала идут слова, обозначающие занятия человека: доносчик, вестник, сводник, затем называется двою-

¹³ См. Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. М., 1988. С. 77 сл.

родный брат, после чего следуют прилагательные: вечный, длительный, способный, а затем — противопоставление качеств: вялый — стремительный, ровный — неуравновешенный, потом вдруг переход опять к существительным, вызванный, вероятно, одинаковым звучанием *aegus* — *equus*. Перечисляются *equus*, *caballus*, *asinus*, и после этого снова возвращаются к качественной характеристике человека: благородный, друг, недруг, находящийся в расцвете сил, вызывающий доверие, не созревший. В это перечисление прилагательных почему-то вклиниваются существительные «участок» и «колон». И греческий, и латинский языки глоссария классически правильны, комментатор отмечает лишь, что греческое *σκευφόρος* прежде для сопоставления с *caballus* не встречалось. Уже с первого издания считается, что назначение этого текста — изучение латинской терминологии.

Текст № 4 в 240 строк составлен Й. Крамером из трех фрагментов, два из которых хранятся в библиотеках Геттингена и Кельна (Göttingen. App. Dipl. 8 C/D; Hist. Archiv Köln. Inv. № W 351), третий утерян и приводится Крамером со ссылкой на первое издание (Tyshsen, tabl. II, III). Текст, написанный на обеих сторонах, представляет собой фрагмент большого латинско-греческого и греко-латинского глоссария, датированного VI в. н.э. С 1 по 45 строку приведены латинские прилагательные (греческий здесь не сохранился) 3-го склонения, куда неожиданно вклинились *semissem* «половина веса», *tonitrus* «гром» и *torculus* «давилня». Латинский алфавит выдерживается не очень строго: *rationalis* дается не сразу после *rabilis*, а пропустив перед собой *reprehensibilis* и *rudis*. Все прилагательные приводятся в форме на *-is*, в том числе и прилагательные трех окончаний, например: *salubris*. Сюда включено даже прилагательное 2-го склонения *teneg*. С 46 по 80 строку текст почти не сохранился: латинская часть утрачена полностью, а в греческой читаются лишь отдельные слова. Очевидно, здесь давались существительные на *-tas* в порядке следования латинского алфавита, что ясно из нескольких сохранившихся греческих соответствий и из продолжения списка от слова *celebritas* (стр. 81) до *firmitas* (стр. 120). Этот список продолжается до 160 строки, но здесь опять латинская колонка утрачена полностью, а от греческой сохранились 13 соответствий латинским существительным. Эту часть текста можно было бы рассматривать как выполнение задания выписать из словаря сначала прилагательные 3-го склонения, а затем существительные того же склонения, в подавляющем большинстве образованные от прилагательных, но не тех, которые приведены выше в сохранившейся части списка, поскольку в дошедшем до нас списке прилагательные даны начиная с *rabilis* до *viridis*, а существительные — с *asperitas* до *loquacitas*. Имеющиеся здесь пропуски известных нам прилагательных и существительных незначительны и могут быть объяснены элементарным ослаблением внимания. В последней трети словника приводятся в соответствии с греческим алфавитом словоформы, половина из которых представляет формы глагола: 3-е лицо настоящего времени, аориста, имперфекта, императив, инфинитив, причастия, лишь дважды дается форма 1 л.ед.ч., т.е. слова берутся как бы непосредственно из какого-то текста. Приводится греческая форма и ее перевод на латинский язык, при этом нередко она поясняется несколькими латинскими, например: *παρεσθαι*—*omitti, relinqui*; *παρεδρος*—*adversor, sedulus, adiutor*; *παρεδεχαστο*—*accepto tuli(t), recepit*. Иногда разные формы одного и того же греческого глагола переводятся разными латинскими глаголами: *παρεδρευει*—*frequentia praesto est*; *παρεδρευετω*—*supersit*. Иногда несколькими греческим глаголам дается один латинский эквивалент: *παρευρει η παρελκει η*

παράλασσει—obvericat. В отдельных случаях значение глагола уточняется через примеры его сочетаемости: παρέχει χείρα ἀνελεται—perpetitur, παρέχει παρίστα—exhibet; παρρησία κατὰ χάριν—fiducia constantia; παρρησία φανάρως—simplam coram vulgo promiacue. В пользу того, что грекоязычный автор писал этот текст, свидетельствуют имеющиеся в латинском списке описки: salutilis вместо salubilis, singularis вместо singularis; а также то, что при вариантах перевода употребляется греческий союз ἤ «или», как в греческой, так, что особенно важно, и в латинской части текста, например: παρέσκευασατο—abparuit ἢ adjunxit. Определить точно назначение этого текста трудно. Ясно, что написан он для учебных целей, но то ли это пособие для изучающего неродной язык, то ли это выполнение данного учителем задания. Если это пособие, то какова цель первой и второй частей фрагмента? Зачем давать выписанные из словаря отдельные части речи? Здесь скорее именно выполнение задания учителя на выписывание по словарю определенного морфологического типа. Еще более непонятна заключительная часть текста, где даются определенные словоформы. Если признать, что эта часть является словариком, подготовленным преподавателем для перевода определенной части текста, то тот факт, что слова приведены в алфавитном порядке, но не в исходной форме, а в конкретной, взятой как бы из текста, можно объяснить тем обстоятельством, что в античной школе существовала практика, при которой учитель, чтобы облегчить ученику переход от заучивания слов к переводу текста, давал слова не в исходной форме, а в той, как слово стоит в тексте¹⁴. Остается непонятным в нашем случае алфавитный порядок слов. Если же считать это ученической тетрадь, то такое написание слов можно было бы попытаться объяснить тем, что у ученика нет в данный момент под рукой словаря и он выписывает слова из текста, но в алфавитном порядке, с тем, чтобы потом посмотреть их в словаре. Мы склонны считать этот фрагмент тетрадь ученика, изучающего латинский язык.

Текст № 14 следует выделить в третью группу, так как в нем, единственном, к греческому языку применена латинская графика. Этот текст (P. Louvre Eg. Inv. № 2329) является хорошо сохранившимся латинско-греческим глоссарием, подбор слов в котором на первый взгляд кажется совершенно произвольным. Здесь и названия продуктов: хлеб, мясо, изюм, лук-порей, смоква, оливковое масло, чеснок, вино, рыба, цикорий; здесь и части человеческого тела: язык, ноги, голова, живот, рот, борода, глаз; здесь и предметы домашней утвари: бутылка, чаша, таз, котелок, топор. Выделяется также группа слов, связанных с жильем; комната, дверь, стул, подушка, светильник. Некоторые слова не укладываются ни в какую систему. Вполне обосновано мнение издателя, что текст писался носителем латинского языка, может быть, мелким торговцем или солдатом, отправляющимся в ту часть Римской империи, где господствовал греческий язык. Наиболее вероятно, что это Египет, поскольку предполагают, что папирус относится к числу вывезенных Наполеоном из Египта во время его восточного похода. Можно предположить ситуацию, когда какой-то торговец или солдат хочет знать минимум слов, необходимых ему для объяснения в гостинице, где он остановится. Попробуем смоделировать ситуацию. Человек приехал (слова, приведенные в глоссарии, выделены кавычками), спрашивает хозяина, но «супруга нет дома», — отвечает ему хозяйка. Приезжий объясняет, из какого он «города». Войдя,

¹⁴ См. *Debut J. La didactique du grec après la conquête de l'Égypte par Alexandre // Information littéraire Univ. de Paris, 1985. V. 37. № 1. P. 24.*

воздаст должное «манам», снимает «дешевую» «комнату» (отсюда и слова, связанные с обстановкой), просит принести «таз» и «наполнить» его «водой», чтобы «вымыть руки» (в тексте императив), затем просит приготовить «стол», «смешать» «вино», интересуется «продавцом пива». Поев, просит «убрать» со стола. Основная масса приведенных в глоссарии слов для такой ситуации оказывается необходимой, однако некоторое количество слов, в частности «палка», «топор», в ситуацию не очень вписываются. Текст представляет особый интерес для историков обоих языков. Представлен разговорный язык рубежа VI—VII вв. Уместно отметить некоторые его особенности: 1. Вытеснение в греческом языке демиинутивами привычных классических форм: enari (= οἰνάριον) вместо οἶνος, poterin (= ποτέριον) вместо ποτήρ, isticarin (= στιχάριον) вместо στιχῆ, rogoni (= πωγώνιον) вместо πωγών, paucali (= βαυκάλιον) вместо βαυκάλις; 2. Употребление новых слов вместо прежних общеупотребительных: orxarin (= ὀψάριον) вместо ἰχθύς, oхomin (= ψωμίον) вместо σίτος, nero (= νεαρόν) вместо ἕδωρ νεαρόν; 3. Слова среднего рода на -ov передаются либо с потерей омикрона: orxarin (= ὀψάριον), oхomin (= ψωμίον), либо оканчиваются на ι, т.е. приобретают форму, характерную для них в современном греческом языке; 4. Возникновение протетического гласного, свойственное латинскому языку, последовательно переносится на греческий: isticaria (= στιχάριον), istoma (= στόμα), iscorda (= σκόρδα); 5. Греческий дифтонг oi передается либо через e: enari (= οἰνάριον), eddam (= οἶδα), либо через i: cilia (= κοιλία), что свидетельствует о монофтонгизации дифтонгов в греческом языке и о нечетком различии e и i в латинском; 6. Передача v через b как в греческих, так и в латинских словах говорит об утере различия этих согласных в латинском языке: cibitas < civitas, bentre < ventre, labamanos < lava manus; 7. Передача греческого β через p: pacali (= βαυκάλιον), а π через b: lanbron (= λαμπρόν), γ через c: ciosa (= γλώσσα), а также δ через t: potes (= πόδες) указывает на то, что в греческом в это время утратилось в этих позициях различие глухих и звонких. В тексте есть еще много интересных для историков языка особенностей¹⁵.

Как же на основании рассмотренных текстов можно себе представить картину изучения неродного (греческого или латинского) языка в Римской империи? Если сопоставить тексты сборника с точки зрения использования графики, то мы увидим, что в 10 из 16 фрагментов для передачи латинских слов применяются греческие буквы и только в одном — латинские буквы при передаче слов, в остальных для каждого языка применяется своя графика. Тексты, выполненные лишь в греческой графике — а их мы можем вне всяких сомнений определить как предназначенные для грекоязычного населения — относятся к периоду Ранней империи I—II вв. (один — к III в.), подтверждая тем самым, что греки вынуждены были в эпоху империи изучать латынь, но использовали сначала лишь греческий алфавит и только с III в. употребляли и латинский. Применение греческой графики для передачи латинских звуков в более позднее время (в текстах № 11 — IV в., № 13 — IV в., № 15 — V—VI вв) может быть объяснено различными причинами. Для текста 13 — низким уровнем образованности автора, не случайно ведь именно в этом тексте представлены разговорные формы языка. Что касается текстов 11 и 15, то они предназначались для коптского населения

¹⁵ Особенности грамматики в греческих папирусах посвящена работа: *Gignac F.Th. A Grammar of the greek Papyri of the Roman and Bysantine Periods. V.I. Phonology. Milano, 1976; V.II. Morphology. Milano, 1981.*

Египта, где позиции греческого языка были прочны сначала как официального языка завоевателей, а потом как языка межнационального общения¹⁶. Текст 15, датируемый V—VI вв., тем более не должен вызывать удивление употреблением именно греческой графики, так как в это время греческий язык опять восстанавливает свои позиции даже в сфере административной и начинает все больше выступать как государственный язык восточной части империи. Теперь уже для латиноязычного населения встает вопрос об изучении греческого языка, о чем свидетельствует текст № 14, датируемый рубежом VI—VII вв. Здесь греческие слова передаются латинскими буквами, и при этом совершенно очевиден невысокий уровень писавшего, говорящий о том, что изучение греческого языка не является предметом увлечения «интеллигенции», а выступает как необходимость для всех слоев общества.

Как же осуществлялся процесс обучения? На основании наших текстов можно совершенно определенно сказать, что обучение неродному языку практиковалось среди всех слоев населения, обучались не только дети, но и взрослые. При этом существовал как достаточно длительный и основательный курс, в процессе которого язык изучался со всеми грамматическими подробностями, со всеми тонкостями знания слов, с их синонимами и связями с другими словами, так и ускоренный курс, когда требовалось за достаточно короткий срок научить человека говорить на неродном языке. Здесь тоже давался какой-то минимум знаний по грамматике. Наконец, был еще один путь — для людей, не имеющих времени или возможности изучать язык, но в силу каких-то обстоятельств вынужденных общаться с иноязычным населением. В этом случае обучения практически не было, а составлялся справочник типа разговорника, которым человек и пользовался в той или иной ситуации. Тексты сборника дают примеры материалов для всех видов овладения языком¹⁷. Все тексты со смешанной графикой (2, 3, 4, 10, 16) можно бы отнести к школьным, хотя все они, за исключением, может быть, второго, могли быть использованы и при обучении взрослого, достаточно образованного человека. При этом тексты № 2—4 являются глоссариями, построенными по алфавитному принципу, в № 2 даются еще и грамматические сведения о склонении и спряжении приводимых слов, а также об управлении глаголов; в № 4 слова выписаны не только по алфавиту, но и по своей грамматической принадлежности, что не является необходимым при ускоренном обучении языку. Словник текста № 10 построен по тематическому принципу и из всех этих фрагментов кажется наиболее подходящим для ускоренного курса обучения. Текст № 16 не является глоссарием, а дает, как указывалось, образцы частных писем, связанных с получением наследства. В силу тематического подбора материала можно было бы решить, что этот текст предназначался не только для школьного изучения языка, но и для занятий взрослого населения по ускоренной программе.

Фрагменты, в которых слова обоих языков приведены в одной графике, совершенно определенно рассчитаны на малообразованного человека. Текст № 14, где греческие слова даны в латинской графике, несомненно свидетельствует об изучении греческого языка римлянином, которому нужно уметь объясняться на чисто бытовом уровне, он, вполне вероятно, и не учил язык, а просто запоминал приведенные в списке слова или читал их по записи. Мы видели, что 10 из 16 текстов выполнены

¹⁶ Общеизвестно, что Константин, писавший свои речи на латинском языке, имел специального человека для перевода их на греческий.

¹⁷ Подавляющее большинство текстов, по нашему мнению, предназначалось для обучения латинскому языку.

только в греческой графике. Среди этих текстов выделяется № 1, где, во-первых, слова приводятся по алфавиту, по крайней мере в первых отрывках, а затем, по-видимому, формируются по тематическому принципу. Во-вторых, даются сведения по грамматике на примерах одного глагола, приводимого в разных формах. Именно этот текст мы можем с достаточными основаниями отнести к предназначенным для школьного обучения. Все остальные тексты представляют собой глоссарии, в которых лексика подобрана по тематическому принципу. Образцом учебника такого типа являются дошедшие до нас сборники, составленные примерно в III в. н.э. и называемые *Нептесматата*. Они предназначались, очевидно, для взрослого человека, желающего научиться говорить по-гречески или по-латыни¹⁸. Конечно, не исключается возможность их применения и в школьной практике на определенном этапе обучения¹⁹.

Прежде чем говорить о методике обучения, мы хотели бы отметить тот факт, что нам пока кажется неразрешимым вопрос, были ли рассматриваемые тексты упражнениями, выполненными учащимися (этому мешает для текстов, где нет ошибок, именно их отсутствие, а для текстов с ошибками, почему они не исправлены) или приготовленными учителем, то ли это диктант²⁰, написанный учеником (сомнения те же, что и в случае с упражнениями ученика). Критериев для разграничения такого вида работ у нас нет, тем более что они не противопоставлены друг другу четко и жестко. Какие же все-таки предварительные выводы о методике обучения неродному языку в Римской империи мы можем сделать на основании текстов, изданных Й. Крамером? Учили главным образом (в частности греков) разговору, а не чтению. Обучение шло через заучивание большого количества слов²¹, чаще тематически связанных. Здесь давались и знания общего характера по географии, мифологии, о животном и растительном мире, о литературе. Грамматике обучали чисто практически, на примерах. Фразы и тексты появлялись на более позднем этапе обучения. При этом шел не пересказ какой-то ситуации, а давались сценки в виде диалога, первоначально на бытовые темы. Уже потом переходили к темам, связанным с общественно-государственной жизнью. Но на этой стадии, по-видимому, приходилось отказываться от графики родного языка при передаче иноязычных слов. До такого уровня доходили далеко не все. На этом этапе широко применяли копирование текстов. При ускоренном обучении, базировавшемся, очевидно, также на заучивании большого числа слов, иногда давался какой-то минимум грамматических знаний. Иногда же учили просто формы, наиболее часто встречающиеся в тексте и, главное, в речи.

¹⁸ Подробно об истории этих сборников говорит Г. Гетц во вводном томе к своему изданию латинских глоссариев (*Goetz G. De glossariorum latinorum origine et faus. Lpz, 1923*). В 1965 г. этот труд был переиздан, *Нептесматата* там посвящены с. 17—29.

¹⁹ Ж. Дебю считает, что обучение детей и взрослых не различалось и изучение языка начинали с запоминания списков слов — *Debut J. De l'usage des listes de mots comme fondement de la pédagogie dans l'antiquité // REA. 1983. Т. 85. № 3—4. P. 273.*

²⁰ О трудностях такого разграничения писал еще П. Коллар: «Кто мог бы утверждать, что такой короткий рассказ есть скорее упражнение в школе, чем диктант или копия, или пересказ?» — *Collart P. Les raryus scolaires // Mélanges Destrousseaux. 1937. P. 70.* Об этом же говорят практически все, кто пытался как-то определить значение таких текстов: *Kramer. Sprachliche Beobachtungen ... S. 246—252; Brashear W. A greek-latin vocabulary // Proceedings of the sixteenth International congress of Papyrology. N.Y., 1981. P. 31—41* и др.

²¹ Можно допустить, что обучение неродному языку строилось в Греции по тому же принципу, что и родному: сначала писали слоги, потом слова — односложные, двусложные и т.д. См. *Guéraud O., Jouguet P. Un livre d'ecolier du III siècle avant J.C. Le Caire, 1938; Debut. La didactique ... P. 21—27.*

Все это обуславливало и типы справочного материала: 1. Словники, построенные по строго тематическому принципу: названия рыб, растений, ветров; такие словники, слова в которых приводились в графике родного языка, особенно широко применялись на ранней стадии обучения. 2. Словники с более широким кругом понятий, где слова давались в родной для каждого языка графике; предназначались они для следующего этапа обучения. В этих двух видах словников алфавитный порядок следования отсутствовал, а существительные и прилагательные приводились в форме именительного падежа. 3. Словник алфавитный, где слова уже могли приводиться в разной грамматической форме без системы или в системе. 4. Лексико-грамматический справочник, в котором грамматика не объясняется, а дается отсылка к образцу склонения или спряжения, при этом отсылка делается на обоих языках. 5. Маленькие связанные тексты (некоторые из них могли вводиться на ранней стадии обучения). 6. Поскольку некоторые из этих рассказов приводились в графике лишь одного языка, то можно сделать вывод, что либо рассказ составлялся только на базе выученных слов, либо существовали словари с применением графики одного (греческого) языка.

Какие же виды работ с учениками можно предположить на основе рассмотренных текстов? 1. Заучивание большого количества относящихся к определенной теме слов, прежде всего существительных в форме номинатива, т.е. без определения их склонения. 2. Проверка выученного посредством диктанта с переводом этих слов либо с родного языка на изучаемый, либо наоборот. 3. Заучивание лексики в формах, наиболее часто встречаемых в текстах, особенно глаголов. 4. Выписывание, может быть, с последующим заучиванием слов по грамматическим категориям. 5. Выучивание слов, объединенных в однокоренные семьи. 6. Заучивание формообразовательных типов на примере конкретного слова с переводом на родной язык этих форм. 7. Заучивание небольших диалогов. 8. Обучение «официальному» языку. Учителями при этом могли быть как греки, выучившие латинский язык, так и римляне, овладевшие в той или иной степени греческим языком.

Н.Р. Шопина

PAPYRUS EVIDENCES ON THE LEARNING
OF FOREIGN LANGUAGES

N.R. Shopina

The article examines Kramer's 1983 bilingual Greek-Roman glossaries, which are directly based on ancient material, intended for various purposes. First we have a look at the glossaries, in which the words are in the normal Greek or Latin script. These were intended for people with a grounding in the languages. As a rule, the words here are listed in alphabetical order, and are either explained from the grammatical point of view, or their very selection testifies to the fact that, side by side with the assimilation of the vocabulary goes grammatical comprehension of the material. The glossaries where the foreign words are written in the script of the student's own language (from ten such texts, only one uses the Latin letters to transcribe the Greek words, the rest use only the Greek script), are built round a thematic subject-matter basis, and are either used by beginners in school, or by not very well educated adults. In this last case, the student sometimes does not even study the language, but only learns a minimum of words, which help him to speak on the most basic level, in a foreign country. Connected texts accompany the glossaries, and one of them may have been used as a phrase-book. Another one offers models of congratulatory phrases on the occasions of receiving an inheritance or one's freedom, and to a certain extent serves as an example of the teaching of official language. Two texts where the Latin words are transcribed in the Greek alphabet, were intended for the Coptic population. The examination of this material once again testifies to the close links between the various parts of the Roman empire, to the role of Greek as the language of international relations in the Eastern parts of this empire and the existence of several methods of teaching foreign languages on these territories.